

ИГОРЬ СОХАНЬ

Казус Вагнер — Ницше и казус Баффет — Билл

Нелегко отгородиться, оторваться от того, в чем живешь. Взлететь, так сказать. Хотя бы как утка. Я недавно перечитывал “Der Fall Wagner” Ницше. Трудно читать это произведение, потому что мучительно расставаться с идолами, с великими людьми, с великой музыкой, с великими идеями... Каким должен быть настоящий великий человек? Что такое великая идея? Как надо любить музыку, чтобы, по словам Ницше, “страдать от судьбы музыки как от открытой раны”? Какой должна быть идея, чтобы страдать от нее так, как Ницше?

Например, вождь племени численностью сто пятьдесят семей — это великий человек? А если в этом племени поклоняются младенцам — это хорошо или плохо? А если в племени все мужчины носят на шее ожерелья из зубов счастливо умерших младенцев, и у кого больше ожерелье, тот считается самым важным? Можно ли по такому признаку выбирать вождя? Каково простым людям жить в таком племени? О чем можно говорить с такими людьми современному человеку, который читал Сервантеса, Канта и Ницше? Отрицать всякую жизнеутверждающую основу ложного учения или стараться увлечь недоразвитое племя другими великими идеями, призывать отречься от поклонения идолам и восхищаться торжеством демократии, Троиединством Божьим и Пречистой Богоматерью. Сопоставляя то, чем жили дикие малочисленные племена раньше, с тем, о чем писал Ницше, начинаешь задумываться о самых отвлеченных вещах, о том, о чем размышлять в данную эпоху не принято. Например: А сколько лет “протянет” идея равенства и справедливости? А долго ли просуществует идея государства? А сколько лет еще будет жить классическая семья? Как и чем будут потом отличаться от всех великие люди? Или великих людей больше не появится? “Великий человек” — это понятие абсолютное или относительное?

Неужели, приобретая свободу, рядовой человек отдал за это “дьявольскую” плату: отказался от права на величие и подписался своей кровью? Неужели “великий человек”, о котором писал Ницше, о котором Вагнер сочинял многочасовые оперы, никогда больше не возникнет, а будет только появляться в бутафорском виде, петь о чужой прекрасной судьбе в образе Зигфрида по вечерам в Мариинском театре и кланяться на сцене? Наверное, так и будет. Время великих людей безвозвратно утекло, стали появляться не ве-

ликие, а просто знаменитые люди. И не всякий может попасть в эту когорту. За краткий миг жизни знаменитыми могут стать только люди искусства или бизнеса, а правители при существующих в большинстве демократических стран конституциях за два срока по четыре-пять или шесть лет ничего исторического сделать не могут. В лучшем случае за все труды поставят им памятник в каком-то отдаленном месте, обычно по месту рождения, или назовут пароход, и за то “спасибо”. Такое впечатление, что в мире все идет прахом. Никто не ценит личность, не знает, кто как жил. Зато торжествует система, из-за которой все так получилось. Демократия в разных странах торжественно выступает впереди, ведя за собой в карнавальном шествии на золотых поводах свору идолов: говорливых политиков, социально ориентированных активных бизнесменов, музыкантов и актеров.

Я вспоминаю слова Ницше: “Вагнер резюмирует целую эпоху, и ничего не поделаешь; чтобы понять эту эпоху, чтобы стать наравне с ней, надо стать на какой-то миг вагнерианцем”. Пророческие слова. Ницше, наверное, говорил о самом себе и намекал, что для осознания его эпохи надо на какое-то время стать ницшеанцем. Чтобы понять другого, надо на время стать другим. Например, Ницше должен был стать Вагнером, а читатель Ницше — самим Ницше.

Ницше и Вагнер — большие настоящие актеры, оба со своеобразным чувством юмора: один в философии, другой — в музыке. Чтобы принять их стиль, надо чувствовать и понимать, как передать сильные эмоции и самые важные чувства в звуках, в словах, в языке...

Оба жили героическими мыслями, оба видели перед собой нечто великое и на него равнялись. Грех забывать труд великих людей, даже если нелегко понять, о чем они писали, размышляли, фантазировали и какую музыку сочиняли.

Интересно, что бы Ницше сказал о нашей эпохе?

Наверное, он бы заплакал. Почему? Потому что больше нет великих людей. Нет их уже даже на вершине государственной власти. Может быть, остались только некоторые маргинальные великие люди где-то в обычной простой семейной жизни или на работе. А великий человек Александр Македонский — где он теперь? Кто он теперь? Задумаешься об этом и представляешь карикатуру со страниц “желтой” прессы: сидит президент Буш на ранчо, пьет пиво, смотрит по телевизору на ныне уже покойного Саддама Хусейна, вытащенного из бункера и проходящего медосвидетельствование по поводу наличия вшей. А где Достоевский, где Моцарт? Таких больше нет. Вместо них девчонка-подросток пляшет и поет, зарабатывая миллионы, другая женщина пишет изумительно нелепые фантастические романы и тоже зарабатывает неплохо. Люди слушают, читают. Это нормально теперь. Деньги опустошили искусство, деньги смяли и пригнули власть. Деньги, однако, породили таких людей, которых раньше надо было поискать. Теперь это не Ротшильды и не Форды. Теперь это Билл Гейтс и Уоррен Баффет. Деньги сделали “великих мира сего” из этих обычных деловых целеустремленных людей. Или деньги ничего не могут сделать, а сам человек становится великим, пусть даже с помощью денег? Билл еще молодой человек, и своего последнего слова не сказал, наверное, ищет свой великий путь в жизни. А Баффет поступил так, как поступали раньше люди богоравные, вроде Александра Великого, Наполеона, библейского Моисея, и заслуживает

того, чтобы его имя тоже стало нарицательным. Впрочем, Баффет давно получил нарицательное имя: “Оракул из Омахи” — так его называют, но почему-то пресса ничего существенного не написала о том, что в принципе сделали нового Баффет и Билл. Пресса преподносит только пустые факты, никому и ни о чем не говорящие. А надо бы сделать эти два имени по-настоящему нарицательными, чтобы жизнь этих противоположных, разнокалиберных, несопоставимых людей стала примером для всех.

История Билла и Уоррена, в нескольких словах, такова. Билл Гейтс в молодости занимался компьютерами, еще на заре той дремучей эры, когда компьютер состоял из десятка шкафов размером в рост человека, с лентопротяжными механизмами, перфорационными устройствами, которые на перфокарте выбивали дырочки, кодируя информацию в двоичном коде: есть дырочка — 1, нет дырочки — 0. Надо было уметь быстро читать такие перфокарты, стать почти фокусником, чтобы читать их на просвет. Кто быстрее умел визуально обрабатывать на взгляд такие дырочки, которых на перфокарте могло быть несколько десятков сотен (а самих карт в программе могло быть больше сотни), тот быстрее исправлял ошибки (их на заре этого золотого времени было очень много). И тогда появились компьютеры, в которых была установлена MS DOS — операционная система, разработкой которой в коллективе ребят компании “Microsoft” занимался Билл Гейтс. Не надо ругать Билла за то, что Windows до сих пор глючит и работают они с переboями, надо хвалить молодого парня за то, что такая вещь тогда возникла. Молодой Гейтс не работал ради денег, он не продавал компьютеры, он создавал такую систему, чтобы каждый простой человек, каждый настоящий профан, нуждающийся в новых технологиях, мог сесть за компьютер и просто начать работать, а не искать, глядя на свет усталыми глазами, дырки в перфокартах.

Баффет в этот же исторический период работал на фондовом рынке и делал там примерно то же, что Билл с компьютерами, — разрабатывал систему инвестирования, чтобы приумножать деньги мог даже самый бездарный профан. В то время на фондовом рынке торговали акциями множество мало кому известных корпораций, и разобраться в этом списке не мог даже тот, кто умел читать двоичные коды на перфокартах по дырочкам. Однажды Баффет посмотрел на деньги своим гениальным нестандартным взглядом и сказал: “Сто долларов — это не одна бумажка с портретом Франклина, а сто однодолларовых бумажек с портретом Вашингтона. Значит что? Чтобы получать *франклинов*, надо делать то, что делают *вашиINGTONы*. Если *вашиINGTONы* пьют сладкие газированные напитки, запивая гамбургеры и чизбургеры, значит надо покупать акции соответствующих компаний”.

Баффет стал заниматься поддержкой крупных инвестиционных проектов на самой заре бизнеса, когда только некоторые люди начали понимать, что выиграть можно и в лотерею, и в казино, и на спор у друга, но настоящие деньги делают только крупные корпорации, которые продают важные и нужные многомиллиардным потребителям вещи, а сама корпорация становится соразмерной государству. Важно найти не только нужную потребителям корпорацию, но и поверить тем управленцам, менеджерам, которые руководят этой корпорацией. Древний совет: “Иди за деньгами” — привел Баффета вначале в “Кока-колу”, “Боинг”, “Макдоналдс”, а потом в благотворительный фонд “Билл и Мелинда Гейтс Фаундейшн”. И здесь Баффет ре-

шил остаться практически со всеми своими деньгами навечно. Такое решение принимают только великие люди. Раньше крупные бизнесмены тоже часто жертвовали деньги на благотворительность, меценатствовали, поощряли искусство, бесплатно строили дома, открывали школы и библиотеки, отдавали деньги церквям. Теперь благотворительность стала бизнесом. Не в том смысле, что на ней кто-то где-то что-то зарабатывает! Совсем не об этом сейчас идет речь, хотя и такое возможно. Только теперь по-другому стали поступать бизнесмены. В 1936 году Форд открыл благотворительный фонд, который до сих пор успешно действует и оперирует капиталом порядка 9 млрд дол. В 1966 году семья будущего основателя компьютерной империи “Хьюлет” тоже создала фонд, там тоже крутятся капиталы порядка 8 млрд. В мире уже почти сто лет существует множество других благотворительных фондов, но они все были старыми филантропическими фондами, построенными по одной схеме, подобно старому паровозу, который сжигал много дров, оставаясь маломощным. Принцип был такой. Крупный бизнесмен, уходя из бизнеса, создавал фонд, чтобы распределить свое богатство поэтапно среди других действующих благотворительных фондов в форме грантов. Так, казалось, удастся избежать самой болезненной проблемы благотворительности: когда деньги заработал успешный бизнесмен, но потом эти финансы рассеиваются в чужих руках распределителей и благополучателей. Можно понять огорчение человека, который своими руками тяжким трудом заработал деньги, решил пожертвовать богатством. Но как донести этот дар другим людям именно нуждающимся, а не самым хитрым? Увы, это не единственная проблема филантропов и благотворителей. Гораздо важнее проблема: как не навредить никому своими большими деньгами и своей настырной благотворительностью? Большие деньги, распределяемые неправильно, могут породить коррупцию, взяточничество, бюрократию, иждивенчество, могут изменить социальный строй целой страны. Главное правило благотворительности — чтобы работа фонда не навредила миллионам людей. И у тех, кто заработал, казалось бы, баснословные деньги, есть свои проблемы. Такие люди обеспокоены, в частности, тем, где найти, как определить распорядителя фонда, который будет делать все согласно их уставу, а не воровать и утаивать деньги; и еще: как найти среди таких честных управляющих того, кто поведет фонд к великой цели, чтобы тот работал на пользу всем и не во вред некоторым. Прежний тип благотворительных фондов XX века — когда один фонд раздавал пожертвования другим активным деятельным благотворительным фондам, распределяя гранты по разным программам — оказался неэффективным. Теперь возникло другое время в благотворительности. Впервые один из крупнейших в мире бизнесменов одного поколения, Баффет, передал почти весь свой капитал на благотворительность другому крупнейшему бизнесмену следующего, младшего поколения, Гейтсу. Это поступок человека, который верит кому-то или верен каким-то своим принципам, а может даже больше.

Переломные эпохи формируют переломное мировоззрение, часто в это время возникают новые религии.

В современном мире, видимо, возникает сейчас новая религия. Прежние религии защищали слабого, помогали ему жить вместе с сильным и так преуспели в этом, что слабые начали подавлять сильных. Сильным стало жить тяжело, неуютно. Ницше, презирая благотворительность, встал на защиту

сильных и поплатился за это. Вагнер пел об этом особым драматичным тенором, вторя Ницше устами своих актеров. Как обозначить новую религию сильных? Никто еще не назвал ее. Возможно, современные благотворительные фонды как раз и становятся инструментом, “церковью” новых святых от бизнеса, соединяя вместе в одном процессе, в одном деянии сострадание к слабым, помощь оступившимся и свободу для сильных и деловых. Можно по-разному помогать людям.

Если считать поколение Баффета первым поколением успешных благотворительных бизнесменов, а поколение Гейтса — вторым, тогда поколение основателей Гугла, Ларри Пейджа и Сергея Брина нужно назвать третьим поколением (Пьер Омидьяр — основатель eBaу — тоже принадлежит к этой категории благотворителей). В третьем поколении работает другая философия благотворительности. В этом случае крупные молодые бизнесмены изначально определили, какой процент активов компании они жертвуют на благотворительность, и эта цифра, в зависимости от успехов их бизнеса, может падать, а может и вырастать. Третье поколение филантропов и благотворителей с готовностью поддерживает не только неприбыльные организации, но и деловые, нацеленные на прибыль, если они работают в важных, значимых сферах бизнеса. Третье поколение филантропов старается по возможности не пользоваться налоговыми льготами, которые государства предоставляют благотворителям, чтобы, занимаясь благотворительностью, не зависеть от государства, бюрократии и контроля со стороны государства по расходу своих благотворительных средств. Эта новая система благотворительности пока не получила признания и не может похвастаться большими успехами, но это новое направление, которое может быть себя еще покажет. Более детальную информацию о новой форме благотворительных организаций можно найти в Интернете по адресу: Google.org, [Omidyar Network](http://OmidyarNetwork). Вот столько сейчас работает поколений бизнесменов, нацеленных на благотворительность.

Не стоит забывать и такого матерого филантропа, как Сорос, который стоит особняком и исповедует другую философию. Это тоже благотворительный человек, основная цель филантропии которого — помощь развивающимся странам в построении свободного общества. Позиция этого филантропа такова: надо вначале помочь обществу, конкретной стране создать правильное общество (свободное!), а такое общество потом само, всеми своими новыми силами, поможет конкретным нуждающимся людям. Сорос уже двадцать лет пытается поощрять усилиями своей личной воли и своей деловой активностью открытые общества во всем мире. Трудно оценить, что у него получается. Одни говорят, что Сорос всем только мешает, другие хвалят эксцентричного филантропа.

В вопросах благотворительности и социального переустройства общества трудно найти правду и верно оценить, кто внес какой вклад. Спектр возможностей в благотворительности велик. Каждый выбирает свой путь. Однако, наверное, есть какие-то общие правила, законы, которыми должен руководствоваться каждый в благотворительном деле? Пока трудно это определить. Самый главный закон, наверное, сводится к тому, чтобы благотворительной для одних деятельностью не навредить другим. Но как это определить, и кто будет это определять? Иногда вред сегодня оборачивается большой пользой завтра. Иногда проверяющий может работать хуже, чем

благотворитель, а иногда благотворитель и его управляющий коррумпированы еще больше, чем проверяющий. Кроме закона “не навреди”, есть и другие законы, которые иногда трудно уловить. Не легко разобраться, как они работают в каждом конкретном случае. В философии благотворительности пока нет свода законов, нет заповедей, признанных всеми. Пока благотворительность опирается на интуитивные правила, как бы взятые из “души народной”, от садовника. Какое поливать дерево? Увядающее или самое цветущее и роскошное? Что говорит народная мудрость? Какие груши есть первыми, если купил целую корзину, и некоторые сразу стали вянуть? Начинать с вялых? Значит, потом есть одни вялые, и все равно все не съешь, или сразу отбросить перезрелые и сосредоточиться только на самых вкусных, но тогда зачем было покупать целую корзину? Проблема выбора. На фондовом рынке существует набор “золотых правил”, чтобы инвестор не ошибся, не увлекся и не попался “на приманку”. Например, инвестор никогда не должен “ловить падающий нож”. Это значит, что нельзя делать ставку на падающие акции, хотя, казалось бы, на них-то и можно больше всего заработать. Но тут есть своя правда. Если акция падает, никто не знает, как низко она будет падать, и порой невозможно представить глубину падения. Хотя многим это очень хочется сделать. В социальной политике тоже можно написать “золотые правила”. Если помогаешь слабым, будь готов, что слабых будет появляться все больше и больше, выстроится целая очередь, и все будут обращаться к тебе за помощью. Теория благотворительности еще нуждается в развитии. Это как на заре современной философии, во времена Сократа, когда еще не могла быть создана новая философия: должна была пройти эпоха эпикурейцев, превозносивших все самое простое, близкое и приятное, эпоха киников с их циничными возражениями-выпадами по поводу всех и всего, наконец, стоиков с их многочисленными жертвами и верой в свои убеждения, в свое *слово*. Философия — это дело личное, хотя часто меняет жизнь миллионов, религия — дело общественное, хотя, может, истинных верующих осталось не так много.

Религия защищает человека, которому трудно жить с другими; это способ отгородиться от других людей, чтобы остаться самим собой и меньше зависеть от чужих, но принимать их со всеми их потрохами и любить их такими, какие они есть. Религия способствует тому, чтобы слабый мог жить рядом с сильным, бедный — с богатым, жадный — с простофилей. Деньги в современном мире — это самый простой способ быть независимым от других людей и наилучший способ избежать зависти неимущих.

Возник мир свободного человека. Раньше много говорили, обсуждали, можно ли давать человеку свободу или кто-то должен контролировать этот процесс? В чьих руках должны быть вожжи: у государств, у сообщества государств, у церкви или же они вовсе не нужны; кто хочет их, и так имеет, а кто живет без них, и так все равно проживет. Теперь создается мир, в котором свободный человек может быть совершенно бесконтролен. Он неподотчетен никому. Раньше думали, что может плохо кончиться, если какой-то мерзавец, злой и дурной человек заработает или где-то “нахапает” больших денег и пустит их на злое дело. Тогда зачем позволять такому это делать, если можно сразу его контролировать? Жизнь показала, что дело не в деньгах, а в человеке. Это понятно даже логически. Например, кто-то жил как пуританин, заработал богатство своими руками честным трудом и оставил по-

сле себя большие деньги, которые попали сыну по наследству, а сын оказался Нероном или Тиберием, приехал в Рим, устроил пирушку, сжег полгорода или наделал много других безобразий. Раньше такое было возможно, теперь нет. Потому что деньги — это пустота, это ничто, это только право на владение и распоряжение чем-то, но если человек владеть и распоряжаться не умеет, деньги ему не помогут. Никто не боится денег, но все боятся плохого распорядителя чужих денег. Недавно нашалила наследница империи Хилтонов, и дедушка отнял у внучки часть наследства, чтобы отдать в благотворительный фонд. Правильно поступил старик или ошибся? Кто это может решить?

Деньги никогда не бывают свои, они всегда чужие. Ведь никто не печатает сам эти деньги. Значит, деньги чужие. Владелец денег распоряжается чужими деньгами, а не своими. Главное — как он распоряжается! Если у кого-то много миллионов денежных знаков некоторого государства *A* (у государства этого есть печатный станок, и оно печатает эти деньги), а государство *A* обанкротилось, разорилось и его внешний долг превышает доходы государства за десять лет, это значит, что денюжки потеряны. Они ничего не стоят. Поэтому можно сказать, что люди выбирают деньги, а деньги выбирают человека. Отказавшись от права на личное безумство, на прихоть и своеволие, современный великий человек стал приобретать взамен утраченной скотской свободы, свободы Свидригайлова сакральные государственные черты и часто бесконтрольно и безропотно делать то, что служит интересам общества. Великий закон социальной стратификации Питирима Сорокина вдруг начинает работать сам по себе, независимо от воли конкретного человека или законов, которые управляют жизнью множества людей. Этот закон социальной стратификации можно сформулировать так: в течение нескольких поколений сами собой стираются различия в достатке у различных людей и через некоторое время все люди имеют примерно одинаково, хотя, конечно, возможны флуктуации, и в каждую эпоху кто-то может быть намного богаче других, но потом это сотрется, исчезнет, и сама история нивелирует все различия между людьми, и только величие духа, исключительные решения останутся в памяти, а кто, сколько имел денег, — это забудут все. Даже прямые потомки. Этот закон проявляется уже в течение жизни одного поколения. Деловые люди сами сознательно выбирают социальную стратификацию, стремление выровнять уровень жизни различных классов и, потратив первую половину жизни, чтобы сконцентрировать в своих руках как можно больше денег, потом тратят вторую половину жизни на то, чтобы потратить эти деньги самым социальным, самым благотворительным, самым нескотским образом. Если говорить о Гейтсе, можно сказать, что этот человек мало интересовался деньгами и не старался приумножить их, а создавал компанию, которая бы сделала что-то важное в мире, и попутно, в качестве вторичного продукта, этот предприниматель, открыватель, ученый приобрел много денег. А Баффет, наоборот, занимался инвестициями, приумножал свой капитал, одновременно поддерживая нужные большинству потребителей компании. Теперь даже трудно сказать, кто на ком заработал деньги — Баффет, купив вовремя акции Макдоналдса, или Макдоналдс, который получил крупные инвестиции и смог развить свой бизнес, когда 10% акции купил Баффет, оракул из Омахи, человек, по следам которого стараются идти многие.

Поскольку деньги — пустота или, скорее, инструмент, успешный человек, зависимый изначально от денег, и потом остается зависимым от них, и делает то, что велят деньги. Он не спешит отдать их наследникам или неизвестно кому, он начинает думать, как пристроить капиталы, чтобы они никому не навредили и попали в надежные руки.

Люди, заработавшие огромные деньги, вдруг отдают их другим, понимая, что, кроме людей, в мире нет ничего. Мир пуст без людей. Эти люди часто неприятны нам, кажутся глупыми, жадными, сварливыми, жалкими, но когда приходит время решить, на что потратить весь свой капитал, всю свою жизнь, такие люди, как Гейтс, выбирают то, что и должен выбрать настоящий человек, — других людей, как бы показывая, ради чего он жил, ради чего творил и без чего вся его работа и жизнь были бы лишены смысла.

Человек, заработавший большие деньги в жизни, — это крупный бизнесмен. Человек, заработавший огромные деньги и потративший их на благотворительность, — это герой, это такой же человек, который трудится на благо государства за обычную зарплату; это как министр, как полководец. Такие люди, как Баффет и Гейтс, заслуживают государственной награды, памятника, как великий музыкант, писатель, ученый, государственный деятель, военачальник.

В современном свободном мире появилась основа для возникновения и роста благотворительных фондов. Многие еще думают, что это такое мелкое частное дело, которым занимаются только некоторые смешные люди: филантропы или хитрые богачи, увиливающие от налогообложения. Статистика и бюджет Соединенных Штатов показывают, что благотворительностью занимается большинство американцев. Ежегодные взносы в благотворительные фонды в Соединенных Штатах составляет 256 млрд. Это такая сумма, за которую можно купить несколько вполне приличных государств, если бы они продавались на рынке в соответствии со своими доходами, расходами и долгами. Благотворительные фонды пока еще скрыты в ауре некоей естественной тайны. Ведь нельзя же хвастаться, что дал бедному человеку 10 долларов и поэтому бедняга еще жив. Каждый должен понять, что такое утверждение спорно, и никто не будет спорить о размере своей благотворительности, если, конечно, он не политик. Поэтому люди не хотят слишком афишировать свою благотворительную деятельность, так как понимают, что контролирующие и регулирующие органы современное государство может порождать постоянно без ограничений. В то же время успешные благотворительные люди не очень боятся ограничений. Ограничат их деятельность в какой-то стране, начнут возникать в другой стране другие фонды. Дело не в фондах, а в том, что деятельный человек больше не будет отдавать деньги человеку бездеятельному. Вывод такой. Бездеятельные люди денег получать больше не будут. Только от людей бездеятельных, которые, в общем-то, составляют основную массу граждан, налоги, собираемые в государствах, будут тратиться на дороги, школы, бесплатные больницы, обеспечение престарелых и неработоспособных, а деньги, заработанные бизнесменами, будут оставаться в бизнесе, и только этот бизнес будет уже называться благотворительностью.

Что такое благотворительность? Этим теперь занимаются все: и государство, собирая налоги с имущих и распределяя на поддержку большинства неимущих выборщиков, и благотворительные фонды, и церковь. Когда в

прошлом возникла конкуренция между государством и церковью, церковь отделили от государства. Государства сами стали решать, кому и зачем помогать. Теперь возникла конкуренция между государствами и бизнесменами, спонсорами и менеджерами благотворительных фондов.

Идеи демократии, реализуясь на практике, иногда дают сбой. Предполагалось, что люди сами знают лучше всех, что им нужно, и сами выберут политику, партию, платформу, бюджет страны, который наилучшим образом отвечает их интересам. Такое действительно может быть, но это только одна из возможностей. Часто люди выбирают не такую власть, которая умеет лучше всех в их интересах распоряжаться бюджетными средствами, а ту, которая будет действовать в узко “шкурных” интересах; если большинство избирателей имеют одни и те же “шкурные” интересы, тогда и власть будет избрана соответственная, но совсем не обязательно самая продуктивная, и страна может долго топтаться на месте. И крупные менеджеры, владельцы капиталов будут жить вне такого общества, “на улице миллиардеров”, “на острове Мэн”, проводя деньги из одних корпораций в другие, из бизнеса — в благотворительность, мимо среднего класса, мимо государства.

Что такое благотворительные фонды в современном мире? Новое триединство веры, надежды, любви? Может, это как музыка Вагнера, о которой столь много высоких слов в свое время сказал Ницше и которую он вслед за тем так раскритиковал, так унизил “идеологически”? Каковы цели благотворительных фондов? Помочь людям. Но и государство декларирует такие же цели. И там и тут была, есть и будет бюрократия, обслуживающая процесс достижения цели. Будет ли эффективнее работа благотворительных бюрократов, чем государственных? Этого никто не знает. Баффет не просто отдал деньги Гейтсу, а расписал с точностью до копейки, когда, кто и после выполнения каких условий может получить очередной “трансш” его благотворительных денег. В современном мире возникли три источника помощи всем людям, живущим ниже уровня среднего класса: государство, церковь, благотворительные фонды. Цель у всех одна: помочь простым несчастным людям. Разница в авторитете этих организаций, источниках поступления денежных средств, принципах менеджмента. Никто не знает, кто победит, кто лучше всех будет помогать страдающим. Даже сами помогающие. В этом зреет конфликт новой эпохи. Кто важнее? Бизнесмен с капиталом в несколько десятков миллиардов, отошедший от дел и увлекшийся благотворительностью; целая страна со всеми своими бюрократами и демократическими ценностями; церковь, у которой остается все меньше и меньше точек опоры в душе современного человека, — это все те, кто борется за одни и те же души и ценности и делит одни и те же деньги. Кому отдадут свои симпатии страдающие души? Кому, кроме естественных кровных наследников, завещают свои капиталы успешные бизнесмены? В итоге будет, наверное, торжествовать бюрократия и вскоре возникнет масса посреднических организаций, благотворительных пробивателей-адвокатов, которые будут направлять всех нуждающихся в благотворительности в соответствующие инстанции: частные, церковные, государственные. Сможет ли частный благотворительный бизнес, передавая деньги из рук одного поколения в руки другого, избежать мертвой хватки бюрократии и распыления средств бесцельно, а не по назначению? Сможет ли Билл Гейтс распорядиться средст-

вами Уоррена Баффета лучше, чем это сделала бы церковь или государство? Этого никто еще не знает. Мы только видим первый этап этой катавасии.

Кто кого победит, и кто окажется в выигрыше? Наверное, в интересах большинства потребителей благотворительных средств должны существовать и те и другие: и бюрократы от государства, распоряжающиеся бюджетными средствами, и частные богатые бизнесмены с совокупным капиталом, соизмеримым с бюджетом крупного государства.

Сила государства — в том, что оно может печатать, сколько нужно денег, и вводить какие хочет законы. Слабость — в том, что если напечатано слишком много денег или слишком высоки налоги, никто не будет интересоваться этими деньгами. Сила крупного бизнесмена в том, что он сам выбирает, какими деньгами он оперирует и в какой налоговой зоне работает.

Эта статья написана о тех новых процессах, которые только возникают в современном мире. Это другие сложные процессы, совсем не похожие на то, что было раньше, когда сильные люди брали власть, копили капиталы, манипулировали обществом. Теперь речь идет о людях, которые хотят остаться свободными в своем выборе до конца — побеждать мир не только до, но и после смерти. Надо об этом говорить, много говорить, чтобы понять, что происходит в мире, потому что в одном глобалисты и антиглобалисты одновременно правы: наш мир иной, такого еще не было никогда. Многим даже трудно представить, насколько он иной. Нельзя говорить о нем, используя старую лексику империй, демократических государств, исторических героев, великих людей, и нельзя будет больше найти простых решений. Современная постсоветская благотворительность еще очень молода. Она еще ищет свой путь, и пока рано говорить об успехах, поэтому не будет излишним посмотреть, как другие в другом мире искали ответы на общие вопросы.

Благотворительность бывает разная. Автор “Кентерберийских рассказов” Чосер получал от короля галлон вина в день, и это была не зарплата, потому что королевская милость не облагалась налогом и, можно сказать, была чистой королевской благотворительностью, направленной на то, чтобы поддержать в самом трудном деле великого писателя, потому что писать великие вещи великий писатель может и бесплатно, но за вино приходится платить.

Кому нужны великие люди? Зачем они появляются? Чтобы изменить мир? А зачем его менять? И в какую сторону? Чтобы стало лучше жить Гейтсам, Баффетам, или политикам, или артистам? Или чтобы лучше жили те, кто ест современные бутерброды, питается быстрой едой и пьет газированные напитки? Или мир менять уже не надо, и все изменения идут по инерции, толкаемые куда-то и зачем-то такими людьми, как Баффет или Билл, чтобы эту эпоху назвали их именами? Или же никто не назовет никогда нашу эпоху эрой Баффета и Гейтса?

Если великие люди теперь — Билл Гейтс и Уоррен Баффет, то, может, ничего переделывать в этом мире уже не нужно? Может, этот мир вполне закончен и достаточно хорош? Даже современный пессимист Фукуяма — бывший работник американского департамента — так и назвал наше время: конец истории. Мы знаем, что несколько веков длился закат римской империи, или византийской, или австро-венгерской, и все время появлялись какие-то новые империи. А теперь больше не будут появляться. Нет больше в обиходе истории новых империй, не будет больше великих людей. Будут по-

являться только Баффеты и Гейтсы, которых никто не понимает, не может разгадать, как они смогли сделать такие большие деньги и зачем так впустую их потом разнесли. А ведь интересно все-таки понять, что сделали в жизни эти люди, эти двое, которых в одно время называли самыми богатыми людьми планеты.

Интересно осмыслить психологию этих великих бизнесменов и благотворителей. Почему так получилось, что вдруг они отвергли прежнюю жизнь и обратились к чему-то другому, как бы полностью вычеркнув все, что делали до сих пор? Ведь Баффет мог и дальше зарабатывать деньги и, наверное, заработал бы их немало. Может, уже не в таком темпе, как в молодости, но все равно не прогорел бы. А он взял и перестал зарабатывать. В “New York Times” (April 16, 2000) была опубликована статья “Деньги Билла Гейтса” (“Bill Gates’s Money”), в которой описан разговор Баффета с Гейтсом, когда первый пошутил, что не может думать утром о том, как заработать побольше денег, а вечером о том, как бы их побыстрее кому-то отдать. Билл ответил, что он как раз может, это для него нормально. Однако и Билл, в конце концов, не стал раздваиваться, а выбрал благотворительность, решил уйти от руководства компанией, которую создал и в которой прожил, можно сказать, всю свою жизнь. Ведь Билл даже отказался от того, чтоб закончить докторантуру, ради своей будущей компании. Два богатейших человека в мире вдруг решают отказаться от всего: и не только от денег и своего богатства, а более того — от той жизни, которой жили прежде. Что это значит? Неужели и Билл и Уоррен, дай им такой шанс в молодости, выбрали бы простую работу в благотворительном фонде не ради денег, а во благо людей? К сожалению, их не спросить об этом. Человек не может сам ответить на такие вопросы. Слишком много в нас живет бессознательного, подспудного, неявного, и слишком часто и легко умный человек дает рациональные объяснения своих поступков и устремлений, так что верить его словам нельзя. Надо самим пытаться докопаться до причины, понять этих людей, даже если это не так просто. Перефразируя Ницше, можно сказать, что для того, чтобы понять современную эпоху, “надо стать на какой-то миг Баффетом и Биллом”.